Глава 1: Тайно спланированное убийство.

Династия Дун Цзэ, 31-й год Юнь Ци*. (*Юнь Ци - государство, где происходит действие новеллы.)

Император Юнь Ци умер.

Густой снег падал с небес, и весь мир был белым настолько, что стало невозможно различить границы земли и неба, как если бы боги присоединялись к скорбящей стране в ее печали.

Спустя семь дней люди по традиции вошли в Императорский храм предков*. (*Вероятно, связано с обычаем древности: погребение умершего проводили только после полного высыхания крови, т.е похороны проходили как минимум на седьмой день после смерти).

На восьмой день после смерти Императора Юнь Ци Императорский дворец снова ожил: были развешены красные фонари и красные шелковые шторы, - дворец Цюн Лоу был обновлен, а тяжелая и печальная атмосфера быстро сменилась веселой к предстоящему празднованию вознесения нового Императора.

В конце концов, это было естественным порядком вещей, и, что важнее, каждый пытался спланировать свое будущее, особенно в таком величественном месте.

Лунный свет отражался на заледеневшем снегу - было необычайно холодно.

Императорский гарем. Красные деревянные двери во дворец Янь Шаньгун были закрыты. Только два евнуха с тусклыми фонарями совершали обход двора.

В эту холодную и тихую ночь издалека отчетливо слышался звук кандалов. Внезапно раздался шум хаотичных шагов - отвлеченные, два евнуха прервали свой путь.

Угольные жаровни* в главном зале Янь Шаньгун были давно погашены (*вероятно, древняя система отопления). В стенах дворца холод чувствовался так же остро, как и снаружи, - внутри, дрожа, сидела деликатная женщина.

Неожиданно тяжелые двери были распахнуты. Яростно раскачивая пламя свечей на столе, в зал ворвался холодный ветер. Однако женщина продолжала сидеть, лишь медленно подняв свою голову. Когда она поняла, кем был вошедший человек, в уголке ее рта показалась презрительная усмешка.

-Завтра новый Император займет свое место на кресле дракона* (*т. е. на троне), - сказал человек тоном холоднее, чем подувший ветер.

При его словах выражение женщины нисколько не изменилось. После долгого молчания она снова подняла глаза и слабо сказала:

-Поздравляю.

-Учитывая объем помощи, которую Вы мне оказали в вопросе восхождения на Императорский трон, пока Вы будете готовы выпить это и уничтожить вещь в своем животе, Беньван* (* "Этот Король"/"Это (мое) Высочество" - именует так самого себя) позволит Вам стать Императрицей, - его голос был легок, но слова резали, словно нож.

Женщина с пренебрежением пристально посмотрела на мужчину:

-Если это все, что у Вас есть сказать, Ванъе* (*можно перевести как "Великий Князь" или как "Принц"), Вы можете уйти - мне не нужно показывать Вам дверь.

Волосы женщины упали поверх ее лица, скрывая выражение на нем, но гордый и возвышенный облик все еще угадывался под этой черной завесой.

-Ань Цин Жань! Ты не хочешь насладиться жизнью? - на лице мужчины, наконец, появилось какое-то выражение. -Ты - женщина, которая не смогла защитить свою добродетель! Если не хочешь это пить, Беньван тебе поможет!

-Я уже говорила, что этот ребенок Ваш! Что еще Вы хотите от меня услышать?! - женщина ответила на провокацию.

-Беньван Вам не верит! Мы были мужем и женой три года - не заставляйте Беньвана давать Вам лекарство! - ответил мужчина, медленно приближаясь к ней с чашой, наполненной темной жидкостью.

Наблюдая за ним, Ань Цин Жань разрывалась между горем и ненавистью:

-Дун Фан Е, ты такой никчемный!

Услышав ее слова, мужчина позвал слуг, которые ждали снаружи.

-Идите подержите Ань Фэй* (*фамилия + титул законной жены) для Беньвана - он лично даст ей лекарство!

По его приказу вошли пять дворцовых служанок.

-Вы смеете?! - сказала Ань Цин Жань, тогда как ее взгляд скользнул по слугам.

Ее гордое выражение лица и манера держаться заставили стремительно приближавшихся людей остановиться.

Дун Фан Е насмешливо смотрел на эту сцену. Однако вскоре, услышав недовольство Кан Вана* (*так звучит официальный титул Дун Фан Е), слуги перестали колебаться и обездвижили Ань Цин Жань.

Женщина боролась изо всех сил, но все же была вынуждена проглотить горькую смесь. Она лежала на кровати, ощущая сильную боль в своем животе, а затем почувствовала, как по ее ногам заскользила кровь. Сердце Ань Цин Жань как будто остановилось: ее ребенок...

На мгновение она потеряла сознание, но, услышав детский плач, попыталась открыть глаза: перед ней стояла дама, одетая в яркие цвета.

Вид женского платья отдавался болью в глазах, хотя Ань Цин Жань и казалось, что в тот момент ничто не может заставить ее страдать сильнее, чем собственное разбитое сердце.

Сосредоточив свой взгляд, она заметила, что женщина держит годовалого ребенка - почти идентичное изображение мужчины рядом с ней. Младенец плакал и тянул за женскую одежду, но дама не обращала на него никакого внимания.

-Цзецзе* (*обращение к старшей сестре), очень больно?

Услышав это, Ань Цин Жань попыталась сосредоточиться еще раз.

-Янь Жань, это ты?

Женщина в пестром улыбнулась, но не дала ответ той, что лежала на кровати. Вместо этого она обратилась к ребенку на своих руках:

-Сынок, позови-ка тетю!

Затем она повернулась к мужчине, все еще стоящему рядом с кроватью:

-Разве это не то, что Вы сказали, Кан Ван? Нашему ребенку следует позвать мою цзецзе?!

При этих словах Ань Цин Жань с недоверием посмотрела на свою сводную сестру:

-Твой сын… - боль в ее сердце усилилась.

-Дорогая цзецзе, тебе, должно быть, трудно выглядеть такой умной. Как ты могла не понять,

что Кан Ван был влюблен в меня?

При взгляде на женщину, лежащую на кровати в луже собственной крови, пока из нее медленно вытекала жизнь, лицо Ань Янь Жань преисполнилось гордостью.

-Ты... - единственное слово, которое смогла произнести умирающая Ань Цин Жань.

Но другую женщину это нисколько не заботило - она продолжала свой монолог:

-Посмотри на себя! Ты действительно считала, что Кан Ван по-настоящему тебя любит?! Мы были вместе так долго, а наш сын - старший сын Ванъе и будущий Наследный Принц! Вот почему ваш ребенок никогда не сможет родиться. Теперь ты понимаешь?

Сказав все это, она отдала маленького ребенка служанке, а затем медленно направилась к кровати:

-Цзецзе, как ты, одна из четырех выдающихся красавиц столицы и дочь ди* (*т.е. дочь от законной жены, в отличие от детей наложниц) Генерала Аня оказалась в таком положении? Не потому ли, что не смогла заслужить любовь собственного мужа и позаботиться о своем ребенке?

Голос Ань Янь Жань не мог скрыть ее гордости и презрения каждый раз, когда она называла Ань Цин Жань "цзецзе", - это была уже не та маленькая девочка, ходившая за ней хвостиком и дни напролет зовущая "цзецзе".

Сердце Ань Цин Жань раскалывалось все больше с каждым предложением, произнесенным ее "мэймэй"* (*обращение к младшей сестре). Она посмотрела на мужчину, который спокойно и неподвижно возвышался, стоя рядом с кроватью: были ли слова Ань Янь Жань тем, о чем он сейчас думал?

Женщина была поглощена отчаянием: у ее ребенка отобрали жизнь, а мужчина, которого она когда-то любила, в действительности оказался мерзавцем. Да и что можно сказать о такой сестре?

Она, на самом деле, была неудачницей!

Заметив в глазах женщины отчаяние, Ань Янь Жань продолжила причинять ей страдания, наслаждаясь каждой секундой момента:

-Есть еще одна вещь, о которой тебе следует знать: Кан Ван и я, очевидно, знали, что ребенок в твоем животе был от него!

После этих слов воспоминания об инциденте, поставившем под сомнение отцовство ее ребенка, вернулись в одно мгновение.

Той ночью она плохо спала и, проснувшись, обнаружила в своей постели незнакомца, а Кан Ван по совпадению приехал как раз вовремя, чтобы засвидетельствовать ее измену!

Ань Цин Жань улыбнулась…

Однажды она случайно упала в воду. То падение сделало тело девушки чересчур восприимчивым к холоду, а ее саму - неспособной забеременеть долгое время.

Ей было жаль Кан Вана, жаль, что не могла подарить ему ребенка… Наконец-то получилось, но…

-Ты подлый, - прохрипела она, стиснув зубы.

Ань Янь Жань казалась еще более довольной:

-Есть еще несколько вещей, о которых ты должна узнать, прежде чем умереть… Например, как несколько дней назад скончался наш отец: теперь особняк Генерала и его власть находятся в руках моего брата! Столь внезапно ставшая сиротой цзецзе, ты такая жалкая!

В этот момент сердце Ань Цин Жань словно было вырвано - она кричала, пальцем указывая на пару перед собой. Слова не могли бы выразить всего того, что чувствовала женщина - в ее глазах пылала ненависть.

В то время как ее сознание угасало, Ань Цин Жань поклялась, что, если снова сможет жить, она заставит их заплатить, защитит тех, кого любит, и больше никому не позволит растоптать себя, как сейчас!

Дав обет, ее дух воспарил и рассеялся, струясь по зимнему ветру…

http://tl.rulate.ru/book/21174/438240